

современных непростых российско-украинских отношений. Как отмечает автор, «страсти, которые кипели сто лет назад в украинском политическом сообществе по поводу дилеммы “автономизм, федерализм или самостийность”, с новой силой вспыхнули в отечественной постсоветской историографии в первой половине 1990-х гг. в связи с переоценкой идей, людей и событий Украинской национально-демократической революции 1917–1920 гг. Сейчас эта тематика снова в фокусе внимания учёных и практических политиков, ибо и в первой четверти XX века, и поныне на евразийском геополитическом пространстве действуют одновременно тенденции дезинтеграции и интеграции государственных образований, суверенизации и консолидации наций» (с. 178). Эти дискуссионные вопросы основательно проработаны в статьях, затрагивающих тему выбора представителями украинской либерально-демократической партийной элиты формы будущего национально-государственного устройства – «Федеративная идея в программе и тактике Украинской партии социалистов-федералистов (1917–1920 гг.)» (с. 178–187), «М.С. Грушевский в годы Первой мировой войны: общественно-политическая и публицистическая деятельность» (с. 290–315). В последней охарактеризованы взгляды Грушевского на проблему сохранения культурной самобытности так называемых малых, негосударственных народов, к которым относились и украинцы.

Замечу, что в формировании украинской политической оппозиционной элиты

конца XIX – начала XX в. имеется, пожалуй, немало сходства с аналогичными процессами в других национальных регионах Российской империи или даже на некоторых специфических собственно великорусских территориях. Так, неожиданные параллели обнаруживаются с процессами формирования сибирского областничества (или автономизма): совпадение времени зарождения (1880–1890-е гг.), значительная роль творческой интеллигенции (писателей, историков, этнографов), первоначальный смешанный идейно-политический характер и состав кружков, групп, организаций (и на Украине, и в Сибири в них поначалу входили люди с аморфными, ещё чётко не определившимися взглядами), нарастание на протяжении 1890-х гг. политического компонента в региональном (на Украине – регионально-национальном) общественном движении, наконец, постепенное идейно-политическое размежевание на рубеже веков (особенно накануне и в период Первой российской революции) на либеральных и революционных демократов.

К достоинствам рецензируемого издания следует отнести наличие именного указателя, фотогалереи основных героев, биобиблиографии автора, а также удачное художественное и полиграфическое оформление. Перед нами книга, которая станет востребованной, а её двуязычный формат будет способствовать более широкому распространению собранной в ней ценной информации.

А.А. Штырбул

Т.А. Филиппова. «Враг с Востока»: Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. М.: АИРО-XXI, 2012. 384 с., ил.

Модернизация вкупе с глобализацией обостряют идентификационные процессы. Особенно если модернизация лихорадочная, а глобализация – ажиотажная. Нечто подобное наблюдалось в конце XIX – начале XX в.: России пришлось то ли отстаивать, то ли разыскивать собственную культурную «самость». Принято считать, что тогда российские идентификационные процессы происходили исключительно с оглядкой на Запад. Книга Т.А. Филиппо-

вой убеждает нас в обратном. «Погоня за лидером» приобрела всеобщий характер, «догоняющие» нервно оглядывались друг на друга, а Россия вынуждена была по-новому посмотреть на Восток – не только ближний, но и дальний. Как выглядели в глазах подданных Российской империи японцы, вкусившие плодов реставрации Мэйдзи, и турки, «просвещаемые» по мере падения режима Абдул-Хамида II? Можно ли сегодня посмотреть на «азиатов» гла-

зами наших соотечественников столетней давности? Автор утверждает, что можно. Достаточно обратиться к нетрадиционным источникам, которые, кстати сказать, сегодня могут быть более понятны, нежели привычные письменные документы.

Визуализация исторического знания стала фактом современной культурной истории¹. Но как увидеть мир глазами человека, не знавшего телевидения и совсем по-другому воспринимавшего довольно редкое документальное кино? Т.А. Филиппова использует источник, дающий многомерную, пусть гипертрофированную и гиперболизированную картину окружающего – столичные сатирические издания («Будильник», «Осколки», «Сатирикон», «Стрекоза», «Шут»), расплодившиеся в годы Первой русской революции. Автор намеренно ограничивается журналами либерального направления, игнорируя правые и черносотенные, не только в силу эфемерности, но и «избыточной» эмоциональности последних. Подобный подход представляется продуктивным, поскольку аффектированные реакции вряд ли помогут составить объективное представление о глубинной динамике общественных настроений.

Карикатура, как и пародия, – побочный результат популяризации «высокой» культуры с помощью новейших средств «доставки» её потребителю. И это не просто опошление созданного «корифеями», «мэтрами», «маэстро», а скорее элемент формирования гражданского общества со всеми его неизбежными издержками. «Смеховые» и «ярмарочные» жанры убедительны для масс. В начале XX в. российская карикатура, вольно или невольно, пыталась донести до народа стандарты мировосприятия так называемого образованного общества. Насколько адекватной была ретрансляция, и в какой мере пропагандистски-культуртрегерский замысел оказался реализован – ответить сложно. В данном случае российская журнальная карикатура и поэзия сосредоточились на формировании образа «настоящего» восточного «врага», имплицитно противопоставляемого западному (хотя и сомнительному) «другу».

Но дело не только в этом. «Враг» – «категория автобиографическая», справедливо замечает Т.А. Филиппова (с. 32), он позволяет понять самого себя, без него

идентификационный процесс невозможен. Разумеется, если взгляд на внешнего «врага» и «врагов» будет не односторонним, а «параллаксным»² – именно таким он был в «блуждающих» на протяжении 1904–1913 гг. карикатурных образах.

Монография выстроена в современной «клиповой» манере; сатирические образы комментируются для выявления тающихся в них архетипов и «культурных депо». Она является новаторской как по замыслу, так и по способу его реализации. Автор начинает с образов Японии и японцев, сразу же отметив тотальную неподготовленность российских верхов к восприятию новых геополитических реалий (с. 40–44). Официальная российская пропаганда на протяжении всего XX в. формировала уничижительный образ восточного соседа, семантически высмеивая имена противника (с. 57, 72) и сосредоточиваясь на привычных экзотических клише, таких, как «гейша», «характери», «банзай», «микадо», противостоящих возвышенным культурным интенциям Серебряного века (с. 46–47). Судя по карикатурам, образ культурно чуждого японца упорно противопоставлялся якобы близким для русских античным образцам (с. 48–49, 51). Обычная для формирования образа врага бестиаризация тяготела к подчёркиванию «мелкости», расовой неполноценности, инфантилизма и «детской» лживости противника (с. 54–56, 62–65, 72–74), а упор на финансово-ресурсную немощь (с. 58–59) создавал представление о неизбежности его поражения (заметим, что и в наши дни некоторые авторы уверяют, что «объективно» Россия не проиграла войну с Японией).

Подобные образы порождали антимобилизационную расслабленность, что со временем не могло не вызвать революционизирующий эффект. Что касается картины повального японского шпионства, то, возможно, она подстегнула российскую шпиономанию времён Первой мировой войны (с. 76–77). В этом же контексте примечательны намёки на то, что японская псевдоевропеизация означала усвоение худших черт Запада и ревитализацию собственных генетических пороков (с. 77–80, 86–87). В общем, как заключает Т.А. Филиппова, «острие жёсткой критики» японцев скоро «обратилось против собственных властей, приведя в итоге к революции» (с. 92).

Одним из уроков антияпонской пропагандистской кампании, как показывает далее автор, стало расширение «пространства вражды» на Дальнем Востоке (с. 102). Сатирики не уставали подчёркивать, что за спиной Японии стояли Англия и США, заинтересованные в ослаблении друг друга. При этом несомненной авторской удачей следует признать рассмотрение содержания политико-пропагандистской сатиры в гендерном дискурсе. Для смыслового и стилистического принижения противника сатирики активно использовали известный «бытовой набор» – «гейша–веер–кимоно», «чайный домик» (с. 126). Образ гейши – обольстительной, лживой и коварной – получил далекоидущую экстраполяцию. Со временем к этим образам добавились сходные представления о гареме и одалисках, хотя порой этот социальный институт напоминал «привилегированные закрытые школы для девочек, какие появились в XX веке в Англии» (с. 224–226). Получается, что российские сатирики, возможно, сами того не сознавая, с истинно патерналистской назидательностью противопоставили добродетельные и порочные женские образы, экстраполируя их не только на Восток, но и на весь мир.

Впрочем, насмешки по поводу своих восточных соседей скрывали растущие страхи перед геополитической непредсказуемостью. Не случайно «двулика» (женственная) Япония представлялась не только агрессором, но и жертвой происков Великобритании и США. Последние неизменно представлялись в маскулинном виде – разжиревший Джон Буль и хищнически тощий Дядя Сэм. С другой стороны, изнеженная «гаремно-диванная» Турция оказывалась жертвой «немца» – символа новой (более агрессивной) маскулинности (с. 229). Т.А. Филиппова подмечает, что тема сексуального доминирования Запада в карикатурах неуклонно нарастает (с. 242, 245, 247), при этом авторы карикатур и фельетонов предугадали неизбежность выступления Османской империи на стороне Германии в Первой мировой войне (с. 252–254).

Ещё одно наблюдение Т.А. Филипповой заслуживает внимания: «Лицемерие в вопросах веры в сочетании с похотливыми домогательствами и злоупотреблением

официальными должностями становятся в российской сатире расхожим объектом осмеяния младотурецкого режима, декларирующего свои западнические устремления, но консервирующего на деле прежние нравы и нормы» (с. 236). Российское общество, так или иначе, постоянно сопоставляло себя с собирательным образом «чужого». Удивительно, однако, что при этом практически не затрагивалась его конфессиональная составляющая.

В идентификационных процессах обычно присутствует «цивилизационно-возрастной» компонент. Автор проницательно разглядела его присутствие в карикатурных образах восточных соседей: Япония предстаёт задиристым юнцом, которого окружают «престарелый» Китай и «сонная» Корея, откровенным перестарком выглядит «больной человек Европы» – Турция, Европе придавались черты состарившейся королевы Виктории.

В тексте монографии постоянно отмечается, что образ «азиатских зверств» на примере Персии потребовался главным образом для критики насилия (организованного и стихийного) как отличительного свойства нового века (с. 261). Следует отметить, что здесь карикатуристы явно перебирали: такая специфически азиатская казнь, как посадение на кол, на деле давно уже не применялась. По мнению автора, тем самым подчёркивалась особая культурная отчуждённость персов (с. 269). На этом фоне парадоксально выглядит тот факт, что свергнутый шах нашёл прибежище именно в России – карикатуристы основательно высмеивали его (с. 286–287). Ситуация отражала растущее расхождение между российской общественной нравственностью и государственной целесообразностью.

На «врага с Востока» российское образованное общество взирало не только как на насильника, но и как на «жертву Запада». Персия во всё большей степени становилась яблоком раздора между Россией и Великобританией, а это препятствовало военной консолидации Антанты (с. 284, 313–314), что, в свою очередь, оказывало провоцирующее воздействие на Вильгельма II. Вместе с тем представляется, что следующее предположение автора нуждается в дополнительном изучении: «В процессе интерпретации “восточной

темы” зарождалась внутренняя убежденность части российского общества в том, что принудительная смена ценностей, культурное насилие, идеология нетерпимости с неизбежностью призывают к оружию и сторонников, и противников перемен» (с. 310–311). Несомненно, мир становился более взаимозависимым, что в тех условиях лишь приближало мировую войну.

Многие востоковеды считают, что в начале XX в. брутальный империализм весьма своеобразно сомкнулся с маскулинными вождельствами Запада относительно «сексуальных таинств» Востока. И хотя русский мужчина имел более дифференцированные ориенталистские представления, считает Т.А. Филиппова, увлечение «гаремными образами» коснулось и его (с. 220–223). Отношение к Турции, таким образом, было также амбивалентным (с. 224–225) – этот знакомый сосед по-прежнему притягивал и отталкивал. При этом образ врага становился всё более расплывчатым, т.е. трудно предсказуемым, а в российской имперской ментальности «приживался» принцип «дружить против кого-то».

Конечно, жизнь вносила коррективы в привычные стереотипы и заставляла более пристально вглядываться в себя. Приход к власти в Турции партии «Единение и прогресс» вызвал в сатирической прессе прилив политических аллюзий. Так, постоянно отмечалось, что реформы носят декоративный характер, а нравы новых правителей остаются всё такими же жестокими (с. 299). Младотурки, как и «младоперсы» лидировали в международном рейтинге по части расправ с оппозицией (с. 302).

Заметное место в сатирической прессе занял армянский вопрос в Турции. Если судить по характеру его освещения, то резня 1915 г. выглядит вполне ожидаемой (с. 304–309). Современные исследователи считают, что этническое насилие – знак разложения старой имперской культуры, гибнущие империи очень болезненно реагируют на мнимых и реальных «сепаратистов»³. Но наряду с показом агрессивности Турции подчёркивался её образ как жертвы Германии и Австро-Венгрии. По мнению Филипповой, это не могло не вызвать у читателя некоторого недоумения (с. 300). Более того, по отношению к Османской империи появляются нотки сочувствия в связи

с Итало-турецкой (Ливийской) войной. Однако и агрессор в лице Италии, чей образ имел устойчивую позитивную коннотацию, начинает восприниматься критично (с. 333, 335). Но вслед за тем турки вызвали новый прилив иронии в связи с их поражениями от балканских славян (с. 339, 341). Получается, что сатирическая пресса с усиливающимися пацифистскими нотами в полной мере отразила не только нарастание междонародной напряжённости, неизбежный раздел Османской империи, но и приближение Первой мировой войны.

С другой стороны, образ близкого (почти «эталонного») «чужого» открывал возможность как критики собственных «прогрессивных» реформаторских начинаний, так и «сублимации страхов перед стремительно надвигающейся неизвестностью мира после модернизации, чреватой агрессией, насилием, жестокостью» (с. 374).

По мнению автора, вглядываясь в лицо меняющегося Востока, сатирическая журналистика отмечала не только небывалую динамику происходивших там социально-политических процессов, агрессивность и жестокость новых владык, но и их болезненную зависимость от эгоистичного и расчётливого Запада. Более того, указывает Т.А. Филиппова, «сатирическая журналистика всё более отождествляла саму Россию в её нарастающей отсталости с неким обобщённым образом старой, прежней “Азии” как с символом неподвижности, неспособности в полной мере соответствовать духу времени» (с. 373). Восток для России становился поводом осмыслить самое себя, что, однако, не добавляло социального оптимизма. Российская общественность даже на фоне «отсталой» Азии не ощущала собственного прогресса. Из текста книги видно, что по мере приближения к Первой мировой войне менялся и образ Запада – он лишался черт социокультурной «эталонности».

Хотелось бы процитировать ещё одно авторское заключение: «Если в отношениях Запада с миром Востока первый выступает на страницах русских сатирических изданий *коварным соблазнителем* или жестоким *насильником*, то второй, как правило, – *жертвой соблазна* или *насилия*». Возможно, на таком пред-

ставлении лежала печать колониально-империалистической эпохи. Куда более примечательно следующее предложение: «Во внутренних же делах самого Востока роль маскулинной доминанты у отечественных сатириков играет, как правило, государственная власть, а роль виктимного воплощения женского начала – общество, народ, мирные обыватели» (с. 376). Остаётся только добавить: бросив взгляд на Восток, российские сатирики словно взглянули в зеркало и уловили пресловутое «вечно бабье» (Н. Бердяев) в русской душе. В связи с этим имплантация сатирическими изданиями смеховой культуры в пропаганду вряд ли оказывалась мобилизационно эффективной.

Как постоянно подчёркивает Т.А. Филиппова, карикатурные образы подчас выглядели нелепо на фоне здравых суждений специалистов. С такими взглядами на внешний мир в наступивший «век машин» России трудно было выжить в прежнем качестве. Поэтому сомнительно, что «русской журнальной сатире на деле удалось преодолеть астигматизм европоцентричности при взгляде на вызовы XX века» (с. 376). Трудно поверить, что тогдашние российские «акулы пера» могли дорасти до генерализаций В.С. Соловьёва.

Кроме изобилия указанных автором источников, в тексте монографии немало ссылок на исследования, касавшиеся «таинств Востока». Так, Т.А. Филиппова повторяет тезис о российской сексуальной революции, незаметно «стартовавшей» после Великих реформ⁴. Позволю себе усомниться: видимое нарастание сексуального любопытства верхов в связи с прорехами в ханжеской морали и *собственно* сексуальная революция – явления разного порядка и масштаба. Вряд ли стоит принимать на веру представление о жёсткой связи «рецидивирующих модернизаций» (в том числе и в Российской империи) с революционными взрывами⁵. Как известно, революционные смуты в России имеют свою собственную предысторию и внутреннюю логику⁶.

Конечно, тематика монографии Т.А. Филипповой выходит за рамки образов и риторик вражды применительно к восточным соседям России. Отдельные разделы представляют собой историософ-

ские эссе, касающиеся её места не только в прошлом, но и в современном мире. Приходится удивляться, насколько знакомыми оказываются образы столетней давности, до какой степени устойчивыми остаются наши взгляды на окружающий мир. Словом, современная историография обогатилась поистине уникальной работой.

Замечу, однако, что такого рода публикации требуют иной издательско-полиграфической культуры. Дискурс, предложенный Т.А. Филипповой, нуждается в ином ролевом соотношении между текстом и изображением. Последнее в данном случае уже не простая иллюстрация, как было в прошлом; оно выступает *главным* источником, вокруг которого выстраивается не только авторский текст, но и возможность *иной* читательской *online* интерпретации. Новаторство замысла требует новых – более эффектных и изысканных – форм воплощения.

Остаётся надеяться, что столь интересная и необычная книга найдёт не только своих читателей, но и достойных «подражателей».

Т.Г. Леонтьева

Примечания

¹ Авторы отдают предпочтение плакату, т.е. демонстративно пропагандистскому, а не бессознательно рефлектирующему источнику. См., например: *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М., 2005; *Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия.* Челябинск, 2008.

² *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 17.

³ *Булдаков В.П.* Империя и хаос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 1063, 1069.

⁴ См.: *Экитут С.* Россия перед Голгофой. М., 2010.

⁵ См.: *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.

⁶ См.: *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005; *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.